

COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME
EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

СОВЕТ ЕВРОПЫ

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО РЯБОВ ПРОТИВ РОССИИ

(жалоба № 3896/04)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

31 января 2008 года

Настоящее постановление вступит в силу при условиях, оговоренных в § 2 статьи 44 Конвенции. Оно может быть подвергнуто редакционной правке.

В деле Рябов против России

Европейский Суд по правам человека (Первая секция), заседая Палатой в составе:

Христос Розакис, *Председатель*,

Анатолий Ковлер,

Элизабет Штайнер,

Ханлар Хаджиев,

Дин Шпильманн,

Сверр Эрик Йебенс,

Джорджио Малинверни, *судьи*,

и Андре Вампаш, *заместитель регистратора секции*,

посовещавшись при закрытых дверях 10 января 2008 года,

вынес следующее постановление, принятое в указанный день.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ 3896/04) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») гражданином России г-ном Андреем Юрьевичем Рябовым («заявитель») 8 ноября 2003 года.

2. Заявителя, который был освобожден от оплаты юридической помощи, в Суде представляли г-жа К.Москаленко и г-жа М.Арутюнян, адвокаты Центра содействия международной защите. Правительство России («правительство») представлял г-н П.Лаптев, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском суде по правам человека.

3. Заявитель жаловался, в частности, на нарушение статьи 6 § 3 (d) Конвенции в связи с невозможностью допросить свидетелей обвинения.

4. 27 апреля 2005 года Суд принял решение коммуницировать жалобу правительству. На основании положений статьи 29 § 3 Конвенции он принял решение рассмотреть жалобу по существу одновременно с приемлемостью.

5. 2 февраля 2006 года Суд на основании правила 54 § 2 (c) Регламента Суда предложил правительству представить письменные соображения относительно предполагаемого вмешательства в право заявителя на подачу индивидуальной жалобы, гарантированное статьей 34 Конвенции.

6. Правительство возражало против одновременного рассмотрения приемлемости жалобы и ее существования. Изучив возражения правительства, Суд их отклонил.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

7. Заявитель родился в 1972 году и проживает в Вологодской области.

A. Уголовное дело заявителя

8. 9 декабря 2002 года заявителю было предъявлено обвинение в изнасиловании Т., которой во время преступления летом 2000 года было семь лет. Обвинение было построено на допросах следователем девочки (Т.), матери девочки г-жи К. и соседки г-жи Г., а также на результатах медицинской экспертизы пострадавшей, проведенной 4 октября 2002 года. Заявитель ходатайствовал перед следователем об очной ставке со свидетелями обвинения и медицинским экспертом. 10 декабря 2002 года следователь отклонил его ходатайство. 9 января 2003 года Вологодский областной суд как последняя инстанция признал это решение законным.

9. В начале суда, как только заявитель узнал, что свидетельница г-жа Г. и медицинский эксперт отсутствуют, он ходатайствовал перед судом об обеспечении их присутствия. Судья ответил: «Откуда я их возьму?», и отклонил его ходатайство.

10. Заявитель утверждал о своей невиновности. Он признавал, что в конце июля 2000 года он ездил с Т. в деревню Володино, где провел ночь в доме своей бывшей жены, но отрицал, что насиловал девочку.

11. Г-жа К. в суде показала, что в октябре 2002 года она нашла записку Т. В этой записке девочка написала, что заявитель изнасиловал ее летом 2000 года в деревне Володино. Она поговорила с девочкой насчет записки, и девочка подтвердила ее содержание.

12. На суде Т. подтвердила, что заявитель ее изнасиловал.

13. 21 января 2003 года Вологодский областной суд признал заявителя виновным в изнасиловании при отягощающих обстоятельствах – преступлении, предусмотренном статьей 131 § 3 (в) Уголовного кодекса РФ, и приговорил его к двенадцати с половиной годам лишения свободы.

14. Областной суд счел, что вина заявителя была полностью доказана на основании показаний пострадавшей, которые были подтверждены следующими доказательствами:

- Результатами медицинской экспертизы, проведенной 4 октября 2002 года, в которой описаны рубцы на девственной плеве Т. Рубцы могли быть вызваны воздействием твердого предмета. Время их нанесения было невозможно установить;

- Письменными показаниями соседки г-жи Г. в ходе предварительного следствия. Однажды ночью летом 2000 года г-жа Г., квартира которой отделена от квартиры бывшей жены заявителя перегородкой, услышала крики девочки и просьбы к отцу прекратить. Какое-то время девочка рыдала. Г. накричала на заявителя и сказала, чтобы он прекратил издеваться над девочкой. В то время она думала, что девочка является дочерью заявителя В. Всклипывания утихли, но затем девочка начала плакать вновь и умолять отца прекратить. На следующий день Г. встретила заявителя и спросила, что случилось. Он ответил, что это не ее дело;
- Запиской, написанной детским почерком, в которой говорилось, что ее автор была изнасилована «Андрюхой». Т. подтвердила, что это она написала записку.

15. В своей кассационной жалобе заявитель, в частности, отметил, что суд первой инстанции не обеспечил присутствие г-жи Г. и медицинского эксперта.

16. 7 июля 2003 года Верховный Суд Российской Федерации при кассационном рассмотрении оставил приговор от 21 января 2003 года без изменений. Он постановил, что выводы суда реально обоснованы показаниями пострадавшей, которые были подтверждены доказательствами, в частности, запиской ребенка, показаниями г-жи Г. «в суде» [*sic*] и результатами медицинской экспертизы.

17. 25 июля 2005 года заместитель Генерального прокурора внес в Президиум Верховного Суда представление о надзорном рассмотрении. Он указал, что Вологодский областной суд и Верховный Суд нарушили право заявителя допросить свидетельницу Г. и медицинского эксперта.

18. 1 марта 2006 года Президиум Верховного Суда частично удовлетворил представление прокурора. Он постановил, что кассационный суд не учел довод заявителя о том, что его ходатайство о допросе свидетелей обвинения было безосновательно отклонено. Он также установил, что кассационная инстанция ошибочно указала, что г-жа Г. выступала в суде. Президиум отменил кассационное определение от 7 июля 2003 года и направил дело на новое кассационное рассмотрение.

19. 19 июля 2006 года Верховный Суд вновь провел кассационное слушание. Он отметил, что заявитель был лишен возможности встретиться лицом к лицу с г-жой Г. и медицинским экспертом в ходе предварительного расследования или в суде. Он постановил, что права заявителя, предусмотренные статьей 6 § 3 (d), были нарушены, и направил дело на новое судебное рассмотрение.

20. Представляется, что 11 сентября 2006 года Вологодский областной суд постановил новый приговор по делу заявителя. Однако

его копия не была представлена Суду. Хотя заявитель указал на свое намерение обжаловать его, но не представил копию кассационной жалобы. Никакой другой информации об этом процессе получено не было.

В. Предполагаемое вмешательство в право заявителя на подачу индивидуальной жалобы

21. 21 октября 2005 года представители заявителя г-жа Москаленко и г-жа Арутюнян представили возражения на меморандум правительства и требования по справедливой компенсации. Они приложили, в частности, следующие документы:

(а) соглашение об оказании юридической помощи № 032 от 28 сентября 2005 года, в соответствии с которым адвокат Арутюнян взяла обязательство представлять заявителя в Европейском Суде за сумму 21000 рублей. В графе, предназначенной для подписи заявителя, содержалась запись: «в соответствии с доверенностью на представительство в Европейском суде», но подпись отсутствовала;

(b) соглашение об оказании юридической помощи № 2384 от 28 сентября 2005 года, в соответствии с которым адвокат Москаленко взяла обязательство представлять заявителя в Европейском Суде за сумму 42000 рублей. В графе, предназначенной для подписи заявителя, содержалась запись: «в соответствии с доверенностью на представительство в Европейском суде», но подпись отсутствовала;

22. 23 ноября 2005 года правительство представило свои комментарии на требования о справедливой компенсации. Оно, в частности, утверждало, что вышеуказанные документы «не имеют юридической силы и подготовлены с нарушением основных правил составления юридических документов», поскольку не были подписаны заявителем или лицом, уполномоченным подписывать от его имени. По мнению правительства, доверенность, выданная на представительство заявителя в суде, не позволяла г-же Москаленко подписывать, действуя как агент заявителя, соглашение об оказании юридической помощи, обязывающее заявителя платить за ее услуги.

23. 25 ноября 2005 года Уполномоченный Российской Федерации при Европейском суде по правам человека г-н Лаптев («Уполномоченный») направил директору Федеральной регистрационной службы при Министерстве юстиции письмо с приложением копии соглашения об оказании юридической помощи № 2384, которое содержало следующий запрос:

“...Указанное соглашение не подписано **ни г-ном Рябовым, ни лицом, им уполномоченным**... В этой связи я прошу высказаться относительно законности действий адвоката К.Москаленко, которая составила от имени своего клиента (г-на Рябова) и, по-видимому, **без его ведома** соглашение об

оказании юридической помощи, **которое возлагает** на г-на Рябова **также без его ведома** обязательство выплатить крупную денежную сумму (42 000 рублей).

На основании Положения об Уполномоченном Российской Федерации при Европейском суде по правам человек, утвержденного Указом президента № 310 от 29 марта 1998 года прошу подготовить и направить в мой адрес вышеуказанную информацию **к 23 декабря 2005 года**” (выделено жирным шрифтом в оригинале письма).*

24. 9 декабря 2005 года исполняющий обязанности первого заместителя директора Департамента экономической безопасности Министерства внутренних дел генерал майор С. направил письмо директору Адвокатской конторы № 10, где работает г-жа Москаленко. Он писал, что 25 ноября 2005 года Министерство внутренних дел получило запрос от Уполномоченного, в котором содержалась просьба проверить правомерность действий г-жи Москаленко по включению в налогооблагаемую базу дохода по соглашению об оказании юридической помощи № 2384 от 28 сентября 2005 года о представительстве г-на Рябова в Суде. Ссылаясь на статью 11 часть 1 (4) и (30) Закона о милиции генерал-лейтенант С. просил директора представить в пятидневный срок копию соглашения об оказании юридической помощи, копию доверенности, выданной г-ном Рябовым, и копии всех имеющихся документов, касающихся выполнения этого соглашения и платежей за его выполнение.

25. 13 декабря 2005 ода г-жа Москаленко ответила генерал-майору С., что запрошенные документы относятся к конфиденциальным отношениям между адвокатом и клиентом, и не могут быть представлены милиции, пока официально не будет возбуждено уголовное дело.

26. 19 декабря 2005 года старший оперативный сотрудник Департамента экономической безопасности г-н К. и его начальник, заместитель руководителя департамента г-н П., позвонили г-же Москаленко по телефону и просили ее представить документы в связи с расследованием, проводимым по просьбе Уполномоченного.

27. По словам заявителя, в конце декабря 2005 года к нему в изолятор пришел сотрудник Департамента экономической безопасности Министерства внутренних дел г-н В., который предложил ответить на следующие вопросы:

- “1. Как познакомился с г-жой Москаленко и г-жой Арутюнян?
2. Кто дал адрес Центра содействия международной защите и когда?
3. Где и как было составлено соглашение об оказании юридической помощи?”

* Здесь и далее российские документы цитируются в обратном переводе с английского языка (примеч. переводчика).

Заявитель отказался отвечать на вопросы и давать какие-либо показания в отсутствие адвокатов. Встреча длилась приблизительно один час.

28. 20 декабря 2005 года заявитель направил письменное заявление директору Адвокатской конторы № 10. Он указал, что никогда не жаловался и не обращался ни в Министерство внутренних дел, ни в другие государственные органы в связи с тем, что его представляют г-жа Москаленко и г-жа Арутюнян в надзорной инстанции и страсбургском суде.

29. В тот же день заявитель выдал новую доверенность на его представительство г-же Арутюнян. В сопроводительном письме он просил Суд не верить утверждениям правительства о том, что предыдущая доверенность была фальшивой.

30. Также 20 декабря 2005 года начальник Отдела контроля и надзора в сфере адвокатуры и нотариата Министерства юстиции направил копию соглашения об оказании юридической помощи № 2384 Президенту Адвокатской палаты г. Москвы. Он утверждал, что это соглашение было заключено в нарушение Гражданского кодекса и Закона об адвокатуре, поскольку не было подписано ни г-ном Рябовым, ни лицом, уполномоченным действовать от его имени. Президенту Адвокатской палаты г. Москвы было предписано провести расследование ситуации и доложить Министерству юстиции в кратчайшие сроки. В своем ответе Президент Адвокатской палаты г. Москвы сообщил Министерству юстиции, что «г-жа Москаленко представляет г-на Рябова в Европейском Суде на основе должным образом оформленной доверенности» и что «ее деятельность в рамках соглашения об оказании юридической помощи одобрена заявителем». Он подчеркнул, что финансовые аспекты соглашения об оказании юридической помощи являются конфиденциальными сведениями отношений между адвокатом и клиентом.

31. 9 января 2006 года г-жа Москаленко пожаловалась Суду на кампанию преследования, развернутую против нее в связи с представительством заявителя в Страсбурге. Она заявила о препятствовании заявителю в подаче индивидуальной жалобы в нарушение статьи 34 Конвенции.

32. 2 февраля Суд рассмотрел эту проблему и принял решение запросить комментарии у правительства.

33. По словам заявителя, 23 февраля 2006 года его привели в кабинет оперативного сотрудника учреждения, где он содержался. Этот сотрудник не представился и не назвал свое звание. Он потребовал письменные объяснения об отношениях заявителя с г-жой Москаленко и г-жой Арутюнян. На столе сотрудника заявитель видел документы на бланке Федеральной регистрационной службы с надписью: «получить объяснения от заключенного Рябова».

Сотрудник отказал заявителю в просьбе посмотреть эти документы. Он задал заявителю следующие вопросы:

- “1. Какие суммы заплатил г-же Москаленко и г-же Арутюнян за представительство?
2. Были ли эти суммы указаны в каком-либо письменном соглашении?
3. Когда и где было такое соглашение подготовлено?
4. Давал ли согласие ли заплатить какие-либо средства в дополнения к ним?
5. Когда и где впервые встретился со своими представителями?”

34. 28 марта 2006 года правительство представило комментарии относительно своего соответствия статье 34 Конвенции. Оно также просило Суд приостановить процедуру рассмотрения дела с тем, чтобы заявитель мог пригласить другого представителя, и предложило свою помощь в этом.

35. 27 апреля 2006 года заявитель представил Суду следующее рукописное заявление:

“Я информирую вас о следующем: 27 апреля 2006 года меня посетила адвокат Москаленко в московском СИЗО № 3. Она дала мне текст и перевод комментариев правительства от 27 марта 2006 года. Я возмущен письмом г-на Лаптева от 27 марта 2006 года, и хотел бы заявить следующее:

1. Я полностью осведомлен о суммах, указанных в соглашениях с г-жой Москаленко и г-жой Арутюнян. Я бы с удовольствием заплатил и в два, и в три раза больше, но, к сожалению, у меня нет таких больших денег.
2. Я неоднократно заявлял письменно и устно, и заявляю сейчас еще раз, что я удовлетворен работой г-жи Москаленко и г-жи Арутюнян. Заявление г-на Лаптева – это просто попытка испортить мои отношения с адвокатами.
3. Я заверяю вас, что полностью доверяю моим адвокатам г-же Москаленко и г-же Арутюнян в отношении представительства меня в Европейском Суде и в других вопросах. Я категорически отказываюсь вводить в дело других адвокатов, особенно рекомендованных г-ном Лаптевым”.

II. ПРИМЕНИМОЕ ВНУТРЕННЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

A. Закон о милиции (№ 1026-I от 18 апреля 1991 года)

36. В соответствующих частях статьи 11 § 1 указывается следующее:

“Милиции для выполнения возложенных на нее обязанностей предоставляется право:

...

(4) получать от граждан и должностных лиц необходимые объяснения, сведения, справки, документы и копии с них;

...

(30) получать безвозмездно от организаций и граждан информацию, за исключением случаев, когда законом установлен специальный порядок получения соответствующей информации”.

В. Положение об уполномоченном Российской Федерации при Европейском суде по правам человека

37. В соответствии с Положением об уполномоченном при Европейском суде, утвержденным Указом президента № 310 от 29 марта 1998 года, Уполномоченный может получать от федеральных и региональных органов, а также органов местного самоуправления информацию о фактической и юридической стороне дела, необходимую для эффективного представления интересов Российской Федерации в Европейском Суде (раздел II.5).

С. Положение о Департаменте экономической безопасности Министерства внутренних дел

38. Департамент экономической безопасности имеет следующие функции:

- определение угроз экономической безопасности государства;
- участие в определении приоритетов федерального финансирования;
- выявление, предупреждение и пресечение наиболее опасных межрегиональных или международных налоговых преступлений или преступлений против государства;
- выявление, предупреждение и пресечение наиболее опасных экономических и налоговых преступлений, вызывающих общественный резонанс;
- организация профилактических и оперативных мероприятий по защите собственности от преступных посягательств;
- организация документальных проверок и ревизий в целях выявления межрегиональных или международных экономических или налоговых преступлений;

- борьба с легализацией денежных средств, полученных преступным путем;
- борьба с финансированием терроризма или экстремизма.

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА

A. Законность доверенности, выданной г-же Москаленко

39. Правительство возражало против доверенности, которую дал заявитель на свое представительство г-же Москаленко на том основании, что она не была заверена руководителем пенитенциарного учреждения, где он содержался. По его мнению, это является нарушением Гражданского процессуального кодекса России.

40. Суд повторяет, что на основании правила 45 Регламента Суда письменная доверенность имеет законную силу для целей рассмотрения дела в Суде. Ни конвенция, ни Регламент Суда не требует никакого вида заверки этого документа национальными властями. Подобное возражение правительства России ранее рассматривалось и было отклонено (см., в том числе: *Носов против России* (решение), по. 30877/02, 20 октября 2005 года; *Моисеев против России* (решение), по. 62936/00, 9 декабря 2004 года и *Исаева и другие против России* (решение), nos. 57947/00, 57948/00 и 57949/00, 19 декабря 2002 года).

41. Суд считает, что г-жа Москаленко была должным образом уполномочена представлять заявителя. В этой связи возражения правительства должны быть отклонены.

B. Законность доверенности, выданной г-же Арутюнян

42. Правительство утверждает, что доверенность, выданная заявителем на его представительство г-же Арутюнян, не имеет юридической силы, поскольку «имя г-жи Арутюнян совершенно очевидно написано не заявителем, а, видимо, самой г-жой Арутюнян», а также потому, что заявитель назначил своим представителем Центр Содействия международной защите, а не конкретное лицо.

43. Суд отмечает, что ни Конвенция, ни Регламент не содержат конкретных требований того, как должен заполняться бланк доверенности. Бланк может быть заполнен на компьютере или от руки,

заявителем, его представителем или любым третьим лицом. Что важно для Суда, так это то, что на бланке доверенности должно быть четко указано, что заявитель поручил свое представительство в Суде представителю и что представитель принял это поручение. В данном случае это условие было выполнено, поскольку типовой бланк доверенности, распространяемый Секретариатом Суда, был подписан как заявителем, так и г-жой Арутюнян как его представителем.

44. Далее, что касается второй части возражения правительства, Суд отмечает, что нет ничего необычного в том, что заявителей представляют в Суде неправительственные организации (см., например: *D.H. and Others v. the Czech Republic* [GC], no. 57325/00, § 2, ECHR 2007-..., *Чумаев и Чумаев против России*, no. 59334/00, §§ 2 и 216, 18 января 2007 года, и *Битиева и X против России*, nos. 57953/00 и 37392/03, §§ 2 и 176, 21 июня 2007 года). В данном деле заявитель поручил представлять себя Центру содействия международной защите, российской неправительственной организации. Не ставилось под сомнение, что в то время г-жа Арутюнян являлась членом этой организации. Она, поэтому, могла представлять заявителя в Страсбурге.

45. Таким образом, возражения правительства не имеют оснований и также должны быть отклонены.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 § 3 (d) КОНВЕНЦИИ

46. На основании статьи 6 § 3 (d) Конвенции заявитель жалуется, что ни на одном из этапов разбирательства ему не была предоставлена возможность допросить свидетельницу г-жу Г. и эксперта, проводившего медицинскую экспертизу. В соответствующей части статьи 6 указывается следующее:

“1. Каждый ... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое ... разбирательство...

...

3. каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

...

(d) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него ...”

47. Говоря о протесте заместителя Генерального Прокурора с требованием пересмотра приговора заявителю в надзорном порядке, правительство утверждает, что были приняты меры для исправления нарушения прав заявителя на национальном уровне.

48. По мнению заявителя, новое рассмотрение его дела не сможет исправить нарушение его прав. Он опасается, что на свидетелей будет оказано давление для того, чтобы добиться нового осуждения.

49. Суд повторяет, что «решение или действие в пользу заявителя в принципе недостаточны, чтобы лишить его статуса “жертвы”, если власти не признают эксплицитно или по существу нарушение Конвенции, а затем исправят нарушение» (см.: *Dalban v. Romania* [GC], no. 28114/95, § 44, ECHR 1999-VI, и *Constantinescu v. Romania*, no. 28871/95, § 40, ECHR 2000-VIII).

50. В данном деле Президиум Верховного Суда, а затем Верховный Суд при кассационном рассмотрении четко признали, что право заявителя допросить свидетелей, гарантированное национальным законодательством и Конвенцией, было нарушено, и приговор был отменен. Последствия разбирательства, которые составляли основу жалобы заявителя, таким образом, были устранены.

51. В связи с этим, учитывая содержание постановления Президиума от 1 марта 2006 года и определение кассационной инстанции от 19 июля 2006 года, в котором указано на необходимость нового судебного рассмотрения, Суд считает, что национальные власти признали нарушение Конвенции, а затем исправили нарушение. (срав.: *Бабунидзе против России* (решение), no. 3040/03, 15 мая 2007 года; *Федосов против России* (решение), no. 42237/02, 5 января 2007 года; *Никишина против России* (решение), no. 45665/99, 12 сентября 2000 года, и *Wong v. Luxembourg* (решение), no. 38871/02, 30 августа 2005 года).

52. Отсюда следует, что заявитель не может больше претендовать на статус «жертвы» нарушения статьи 6 § 3 (d) Конвенции по смыслу статьи 34 и что эта жалоба должна быть отклонена на основании статей 34 и 35 §§ 3 и 4.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 34 КОНВЕНЦИИ

53. Заявитель жалуется на то, что действия правительства в отношении его представителя составляли нарушение статьи 34 Конвенции, в которой указывается следующее:

“Суд может получать жалобы от любого физического лица... которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права.

54. Правительство утверждает, что не имело место вмешательство в право заявителя на подачу индивидуальной жалобы, поскольку ему не чинились препятствия в переписке с Судом напрямую или через представителя. Оно заявляет, что г-жа Москаленко «явно злоупотребила» своим статусом представителя заявителя и незаконно попыталась получить «особый статус для себя и для организации, где работает», стремясь к иммунитету от налоговых и других проверок, проводимых в полном соответствии с российским законодательством. Правительство считает, что соглашения об оказании юридической помощи, подписанные г-жой Москаленко и г-жой Арутюнян, не имели юридической силы, поскольку они противоречат обязательной норме Гражданского кодекса, запрещающей агенту получать личную выгоду от агентских отношений. Правительство выражает сомнение в том, что заявитель знал о своем обязательстве выплатить значительную сумму денег своим предстателям. Оно настаивает на том, что единственная цель его запросов заключалась в том, чтобы получить официальное мнение компетентных национальных органов относительно действительности соглашения об оказании юридической помощи с г-жой Москаленко. Оно отрицает, что Уполномоченный пытался инициировать расследование, поскольку ни он, ни органы, к которым он обращался, не имеют право возбуждать уголовное дело.

55. В дополнение к заявлениям, процитированным выше в разделе 28 и 35, заявитель указывает, что Уполномоченный обратился с просьбой к Министерству внутренних дел и Министерству юстиции провести проверки финансовых условий отношений между ним и его представителями. Правительство не разъяснило цели этих проверок, учитывая, что они, несомненно, посягали на конфиденциальность отношений между адвокатом и клиентом. Более того, обращение г-на Лаптева содержало неверную информацию, в нем, например, утверждалось, что заявитель не знал о соглашениях об оказании юридической помощи со своими адвокатами. Заявитель также указал, что в декабре 2005 года и феврале 2006 года официальные лица заставили его дать показания о своих отношениях с представителями в Суде. Заявитель настаивает, что преследование его представителей является препятствованием осуществлению его права на подачу индивидуальной жалобы на основании статьи 34 Конвенции.

56. Вначале Суд повторяет, что жалоба на основании статьи 34 Конвенции имеет процедурный характер, и поэтому никоим образом не затрагивает вопрос приемлемости по Конвенции (см.: *Cooke v. Austria*, по. 25878/94, § 46, 8 февраля 2000 года, и *Ergi v. Turkey*, постановление от 28 июля 1998 года, *Сборник постановлений и решений* 1998-IV, § 105).

57. Суд далее вновь заявляет, что для эффективного действия системы индивидуальных обращений, предусмотренной статьей 34, чрезвычайно важно, чтобы заявители имели возможность свободно связываться с органами Конвенции, не подвергаясь никаким видам давления со стороны властей с целью отозвать или изменить их жалобы. Выражение «никаким видам давления» должно быть использовано для того, чтобы подразумевалось не только прямое принуждение и вопиющие случаи запугивания заявителей или их юридических представителей, но также и другие неуместные косвенные действия или контакты, направленные на то, чтобы отговорить их от использования средств правовой защиты Конвенции или помешать этому (см.: *Kurt v. Turkey*, постановление от 25 мая 1998 года, *Сборник постановлений и решений* 1998-III, § 160, и *Tanrikulu v. Turkey* [GC], no. 23763/94, § 130, ECHR 1999-IV, с последующими ссылками). Угроза уголовного преследования или дисциплинарного наказания, выдвинутая в отношении адвоката заявителя в связи с содержанием представленного в Суд заявления, ранее была признана вмешательством в право заявителя на подачу жалобы (см. цит. выше дело *Kurt*, §§ 160 и 164, и *McShane v. the United Kingdom*, no. 43290/98, § 151, 28 мая 2002 года), также как и возбуждение уголовного дела в отношении адвоката, участвовавшего в подготовке жалобы в Комиссию (см.: *Şarli v. Turkey*, no. 24490/94, §§ 85-86, 22 мая 2001 года). Правительство России было признано нарушающим свои обязательства по статье 34 Конвенции в случае, когда представитель заявителя и переводчик были вызваны в местное отделение милиции для беседы в связи с требованиями заявителя о справедливой компенсации (см.: *Федотова против России*, no. 73225/01, §§ 49-52, 13 апреля 2006 года).

58. В данном деле документы, имеющиеся в распоряжении Суда, показывают, что 25 ноября 2005 года, вслед за представлением комментариев к требованию заявителя о справедливой компенсации, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском суде обратился в Департамент экономической безопасности Министерства внутренних дел и Федеральную регистрационную службу при Министерстве юстиции с просьбой проверить соглашение об оказании юридической помощи между заявителем и его представителем в Суде г-жой Москаленко. Обращение содержало утверждение, что г-жа Москаленко наложила финансовые обязательства на заявителя без его ведома (см. выше разделы 23 и 24). Во исполнение вышеуказанной просьбы официальные лица милиции потребовали у директора учреждения, где работает г-жа Москаленко, а затем и у самой г-жи Москаленко предоставить документы, касающиеся ее правовых взаимоотношений с заявителем. Они также пришли к заявителю в изолятор и пытались заставить его дать письменные показания о его

контактах с г-жой Москаленко. Федеральная регистрационная служба, со своей стороны, установила, что соглашение об оказании юридической помощи между заявителем и г-жой Москаленко нарушало Гражданский кодекс и Закон об адвокатуре, и потребовала у президента Адвокатской палаты г. Москвы принять в отношении г-жи Москаленко меры и доложить об этом.

59. Вначале Суд хотел бы подчеркнуть, что властям государства-ответчика не подобает вступать в прямой контакт с заявителем под предлогом того, что «подложные документы представлялись в других делах» (см. цит. выше дела *Федотова*, § 51, и *Tanrikulu*, § 131). Если у правительства есть основания полагать, что в конкретном деле было нарушено право на подачу индивидуальной жалобы, то подобающим путем действий для государства было бы предупредить об этом Суд и информировать его о своих опасениях (*ibid.*). Правительство России, однако, не ограничилось указанием на якобы недействительность соглашений об оказании юридической помощи в своих комментариях к требованию заявителя о справедливой компенсации, а вслед за представлением комментариев обратилось с просьбой к двум национальным органам провести некие проверки договоренностей заявителя с его представителем г-жой Москаленко.

60. Тот факт, что эти просьбы были направлены *после* представления комментариев правительства к требованию о справедливой компенсации, несомненно, подрывает доверие к утверждению правительства о том, что его единственной целью было получение официальной точки зрения компетентных национальных органов на действительность соглашений. Суд отмечает, что заявитель последовательно заявлял, что удовлетворен работой своих представителей в Суде и что он полностью осведомлен о соглашениях об оказании юридической помощи и указанных в них суммах. Это было также подтверждено Президентом Адвокатской палаты г. Москвы (см. выше раздел 30). Утверждения Уполномоченного о том, что соглашения были подписаны без ведома заявителя, таким образом, являются только его личным предположением, не имеющим фактического обоснования.

61. Суд считает неприемлемой с точки зрения защиты права на индивидуальную жалобу попытку Департамента экономической безопасности милиции России получить конфиденциальные материалы от правового учреждения, сотрудником которого являлась г-жа Москаленко. Его запрос не содержал ссылку ни на какое-либо введущее уголовное расследование либо следствие или на какое-то судебное решение, санкционирующее такие действия. Более того, учитывая, что полномочия Департамента экономической безопасности распространяются только на межрегиональные или международные налоговые и экономические преступления или преступления,

вызывающие широкий общественный резонанс (см. выше раздел 38), очевидно, что он был не правомочен проводить такую проверку, но, тем не менее, проводил ее на явно ложных юридических основаниях. В любом случае Суд не видит никаких убедительных причин для того, чтобы в отсутствие каких-либо признаков уголовного преступления или жалобы на основании уголовного закона проводилась бы милицейская проверка (срав. цит. выше дела *Ergi*, § 105, и *Федотова*, § 50). Как отмечалось выше, заявитель никогда не говорил, что соглашения об оказании юридической помощи были подписаны обманным путём или без его ведома. В этих условиях, даже если допустить, что в соглашениях был правый изъян, то это вопрос *inter partes* и не оправдывает вмешательства милиции.

62. Кроме того, особую озабоченность у Суда вызывает то, что заявителя в изоляторе посетил официальный представитель, который пытался получить от него письменные показания относительно его представительства в Страсбурге. Очевидно, что заданные вопросы не ограничивались финансами, а касались всех аспектов его отношений с адвокатами с особым упором на то, как он впервые встретился с ними. По мнению суда, такое посещение было в высшей степени неуместным, и могло легко быть истолковано заявителем как попытка запугать его.

63. Наконец, Суд отмечает, что проверки, начатые по инициативе Уполномоченного, касались только соглашения, подписанного г-жой Москаленко, в то время как аналогичный документ, подписанный г-жой Арутюнян, не был предметом такого пристального изучения. Кроме того, примечательно, что правительство просило Суд отстранить г-жу Москаленко от участия в его разбирательстве (см. выше раздел 34).

64. Учитывая вышеизложенное, Суд считает, что действия, предпринятые правительством России, не основывались на праве или фактах, что они были конкретно нацелены на представителя заявителя г-жу Москаленко и были рассчитаны на то, чтобы воспрепятствовать ее эффективному участию в разбирательстве в Страсбурге. Поэтому они должны рассматриваться как вмешательство в осуществление права заявителя на подачу индивидуальной жалобы и как несовместимые с обязательствами государства-ответчика по статье 34 Конвенции (срав. цит. выше дела *Kurt*, § 164, и *Федотова*, § 51).

65. Учитывая вышеизложенное, Суд считает, что государство-ответчик не выполнило свои обязательства по статье 34 Конвенции.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

66. Статья 41 Конвенции предусматривает:

“Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне”.

67. Заявитель требовал справедливой компенсации только в связи со своей жалобой на основании статьи 6 Конвенции. Поскольку эта жалоба признана неприемлемой и заявитель был освобожден от оплаты юридической помощи за представительство в Суде, Суд отклоняет это требование.

ОСНОВЫВАЯСЬ НА ВЫШЕИЗЛОЖЕННОМ, СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявил* жалобу, касающуюся допроса свидетелей, неприемлемой;
2. *Постановил*, что государство-ответчик не выполнило свои обязательства по статье 34 Конвенции;
3. *Решил* не присуждать справедливую компенсацию на основании статьи 41 Конвенции.

Совершено на английском языке и предано гласности в письменном виде 31 января 2008 года в соответствии с правилом 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

АНДРЕ ВАМПАШ
Заместитель регистратора

ХРИСТОС РОЗАКИС
Председатель